

политика

М.Ю.Виноградов, А.А.Суслова
ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ АПАТИИ
И ЕГО АКТУАЛЬНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

¹ Статья выполнена в рамках гранта по проекту РФФИ-ЭИСИ № 21-011-31843 по теме «Феномен социальной мобилизации как антипод социальной апатии».

Михаил Юрьевич Виноградов — президент Фонда «Петербургская политика». Для связи с автором: m7251956@gmail.com.

Анастасия Андреевна Суслова — руководитель Учебно-научной лаборатории интернет-проектов и исследований департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при правительстве Российской Федерации. Для связи с автором: asiasuslova@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена социальной апатии в современных российских реалиях. Несмотря на распространенность термина «социальная апатия» при оценке текущего состояния российского общества, в настоящее время нет консенсуса относительно того, сводится ли апатия к отторжению социально-политической сферы или предполагает более широкие трактовки — доминирование в обществе ориентации на минимизацию деятельностной активности как таковой или даже утрату веры в ценность сегодняшнего дня (за пределами семьи и ближайшего окружения).

Ключевыми проблемами при использовании понятия «социальная апатия» являются отсутствие апробированной научной методики переноса концептов индивидуальной психологии на коллективные, массовые состояния, а также исторически сложившееся однозначно негативное отношение к апатии как к пороку, отклонению, лени, затрудняющее полноценное осмысление данного феномена.

В статье изложены ключевые подходы к объяснению социальной апатии в современной России, зафиксированные в ходе исследования «Феномен социальной мобилизации как антипод социальной апатии», осуществленного Фондом «Петербургская политика» при участии Института социального маркетинга «Инсомар» во второй половине 2021 г. К возможным причинам такого состояния отнесены целенаправленные действия власти, спонтанная реакция граждан на деятельность политиков, тревога по поводу будущего на фоне слабой привлекательности настоящего, распад патернализма в условиях дефицита инструментов и навыков жизни без помощи государства, неурегулированность внутренних конфликтов. Реконструиро-

ваны основные трактовки триггеров нынешнего цикла апатии, в качестве которых могут выступать экономические изменения 1990-х годов, провал «медведевской оттепели» и пенсионная реформа 2018 г., последствия которой усугубила пандемия COVID-19.

По результатам экспертного опроса и фокус-групп обозначены гипотетические сценарии выхода из социальной апатии и возможные направления движения общественных настроений и сформулирован ряд рекомендаций по управлению политическими рисками с учетом возможной социальной динамики.

Ключевые слова: социальная апатия, политическая аномия, неучастие, пассивность, выученная беспомощность, эмоциональное выгорание

Характерной чертой последних лет стала психологизация языка, предполагающая проникновение терминов из научной и популярной психологии в иные сферы. Будучи первоначально модным элементом молодежного сленга («токсичность», «эмпатия», «травма» и т.п.), эти слова постепенно распространились на самые разные области — от бытового общения и публицистики до экспертных и научных работ. Юлия Лернер характеризует этот феномен как «эмоциональный поворот» — историческое преобразование, меняющее представления о самом знании, в результате которого эмоции становятся ключевым аспектом не только личной, но и общественной и политической жизни. Одновременно происходит и «терапевтический поворот» — язык психотерапии и ее поп-культурных проявлений начинает влиять на мышление, формы коммуникации и публичные институты². Как отмечает Полина Аронсон, если «в советское время... маркером, стратифицирующим общество, было понятие культурности — знакомство с произведениями... литературы, классической музыкой, посещение музеев, выставок, определенные формы поведения в личном и общественном пространстве», то сегодня таким маркером становится «способность понимать себя через психотерапевтическую оптику — как субъекта с уникальными потребностями, травмами»³.

² Лернер 2022: 13.

³ Новосельцева 2021.

Влияние подобного рода психологизации на научное познание носит двойственный характер. С одной стороны, ее несомненным преимуществом является открытие новых горизонтов, способность учитывать эмоциональные факторы, которые раньше воспринимались как недостаточно научные, ненастоящие, не заслуживающие внимания. Кроме того, использование психологических терминов позволяет сделать научный язык более популярным, донести свои выводы до более широкой аудитории. С другой стороны, поскольку кажущаяся ясность и наглядность психологического языка не сопровождалась появлением полноценной исследовательской процедуры интеграции соответствующих данных, возникает ощущение (подчас справедливое) примитивизации научного аппарата.

Одним из следствий этого сдвига была активизация попыток спроецировать понятия индивидуальной психологии на коллективные состояния и социальные процессы. Очевидным бенефициаром оказалось понятие «социальная апатия», получившее широкое распространение при оценке тенденций в современном российском обществе.

В качестве синонимов «социальной апатии» в научной литературе нередко употребляются термины «абсентеизм» и «аномия». Абсентеизм, изначально являвшийся политологическим, а не социологическим концептом, предполагает неучастие индивидов и групп в общественно-политической жизни, прежде всего в выборах. Аномия описывает состояние общества при распаде норм, регулирующих социальные взаимодействия, неопределенности и нестабильности условий человеческого существования, расхождении между провозглашаемыми обществом целями и доступностью законных средств их достижения. Подчеркнем, что аномия есть не столько сознательное действие, сколько именно *состояние общества* — или индивида, оказавшегося в ситуации рассогласования норм и дезорганизации социальных институтов. В свою очередь, абсентеизм представляет собой тип узконаправленного сознательного поведения, связанного с отказом индивида или групп от участия в электоральных кампаниях в силу неприемлемости для них положения дел в политической или иной сфере (что существенно ограничивает возможности применения данного концепта в российских условиях). Понятие «апатия», относительно недавно вошедшее в аппарат социологии, чаще всего используется в близком к абсентеизму, хотя и более широком значении⁴. К тому же термин «социальная апатия» весьма удачен с точки зрения его понятности респондентам при проведении социологических исследований. Находя отклик в индивидуальном сознании, слова «апатия», «социальная апатия», «коллективная апатия» побуждают их к более активному обсуждению, оценке происходящего через собственный опыт.

⁴ Харлашкин 2021.

Апатия – порок, адаптация или добродетель?

Сегодняшнее прочтение понятия «апатия» в негативном ключе, как отклонения от «деятельностной» нормы, в значительной степени порождение индустриального общества. На протяжении многих веков апатия воспринималась скорее как добродетель, позволяющая усмирить неуправляемое животное начало в человеке, направив все его силы на разумное постижение действительности, бога или на исполнение долга (в зависимости от эпохи и ценностного рисунка системы идей). В XIX в. по мере роста городов, развития промышленности, изменений социального уклада апатия начинает обретать негативные смыслы. «Я вижу неисчислимы толпы равных и похожих друг на друга людей, которые тратят свою жизнь в неустанных поисках маленьких и пошлых радостей, заполняющих их души. Каждый из них, взятый в отдельности, безразличен к судьбе всех прочих»⁵, — так описывал Северную Америку Алексис де Токвиль в первой половине XIX в. Основными

⁵ Токвиль 2000: 497.

причинами отстраненности и безразличия он считал индивидуализм, особенности демократии и экономического строя. В свою очередь Карл Маркс рассматривал апатию как следствие отчуждения человека (работы) от результатов труда и средств производства⁶.

⁶ Маркс 1981.

К началу XX столетия в интерпретации данного феномена оформилось несколько подходов.

1. Апатия — результат самообесценивания. Истоки этого процесса Эрих Фромм видел в доминирующих культурных нормах, согласно которым ценность человека определяется совокупностью полезных качеств: «Уверенность в себе, чувство собственного достоинства превращаются в отражение того, что думают о человеке другие... Если на него есть спрос, то он считает себя „кем-то“; если же он не популярен, он и в собственных глазах попросту никто»⁷. Заразительность апатии, по Дэвиду Хокинсу, обусловлена ее низкочастотной позицией на шкале эмоциональных диапазонов⁸: для общегруппового эмоционального состояния заразной является самая низкая из представленных эмоций.
2. Апатия — результат утраты традиционных ценностей и связей, вследствие чего, говоря словами Хосе Ортеги-и-Гассета, «человеку угрожает опасность перестать быть собой»⁹.
3. Апатия — результат усилий власти, целенаправленно формирующей «маленького человека», лишённого воли и права голоса. «Мы чувствуем, что живем в мире, в котором гражданин стал простым зрителем или вынужденным актером, и что наш личный опыт политически бесполезен, а наша политическая воля — незначительная иллюзия»¹⁰, — констатировал Чарльз Райт Миллз, характеризуя положение «белых воротничков», занимающих, казалось бы, не последнее место в социальной структуре. Сходной точки зрения придерживался Мишель Фуко, проводивший аналогию между современным ему обществом и идеальной тюрьмой¹¹. Пьер Бурдьё расценивал апатию как неизбежное следствие «символического насилия» со стороны власти¹². Герберт Маркузе даже предложил специальный термин — «одномерный человек», отмечая, что «индивиды отождествляют себя со способом бытия, им навязанным», и такая идентификация «ведет к новым ступеням отчуждения», когда «отчужденный субъект поглощается формой отчужденного бытия»¹³.
4. Апатия — следствие избыточной информации в мире. По замечанию Жана Бодрийяра, «мы живем в мире, где информации становится все больше, а смысла все меньше»¹⁴. Данный взгляд на апатию разделяли Маршалл Маклюэн¹⁵, Жан-Франсуа Лиотар¹⁶, Роберт Лейн¹⁷ и Том ДеЛюка¹⁸.
5. Апатия — адаптационный механизм в период острых социальных кризисов. Согласно Зигмунту Бауману, люди впадают в апатию, поскольку лишены «контроля над настоящим», ибо «наиболее важные факторы, определяющие их жизнь и социальное положение,

⁷ Фромм 1990: 107.

⁸ Хокинс 2010.

⁹ Ортега-и-Гассет 2000: 490—491.

¹⁰ Миллз 2000.

¹¹ Фуко 2015: 5.

¹² Bourdieu 2001.

¹³ Маркузе 2003: 30.

¹⁴ Baudrillard 1981.

¹⁵ McLuhan 1964.

¹⁶ Лиотар 1998.

¹⁷ Lane 2000.

¹⁸ DeLuca 1995.

¹⁹ Бауман 2005: 54.

а также перспективы того и другого, не находятся у них в руках»¹⁹. Иными словами, адекватное восприятие жизни в современном обществе per se требует отстраненности. Проанализировав ситуацию в Польше в период перехода от социалистического строя к капитализму, Петр Штомпка пришел к заключению, что под влиянием самой ситуации транзита в обществе активизируются недоверие, мрачный взгляд на будущее, ностальгия по прошлому, политическая апатия, травмы коллективной памяти²⁰.

²⁰ Штомпка 2001.

- б. Апатия — результат отчуждения от механизмов влияния, обусловленного социально-модернизационными сдвигами или особенностями политической культуры. Описывая процесс модернизации традиционных политических систем, Самюэль Хантингтон видел в интенсивных изменениях фактор риска для традиционных связей, подрыв которых в свою очередь негативно сказывается на психоэмоциональном состоянии индивидов: «Под воздействием модернизации... расширенная семья начинает разрушаться, и ей на смену приходит нуклеарная семья, которая слишком мала, слишком изолирована и слишком слаба, чтобы выполнять те же функции [социально-политического влияния или представительства]. Модернизация, таким образом, обычно порождает отчуждение и аномию, отсутствие норм — как следствие конфликта между старыми и новыми ценностями»²¹.

²¹ Хантингтон 2004: 59—60.

В современных исследованиях наибольшей популярностью пользуется взгляд на социальную апатию как на отстранение индивидов и общественных групп от социальных и политических взаимодействий на фоне угнетенного психоэмоционального состояния и ощущения беспомощности.

**Проекция
понятия
«социальная
апатия»
на российскую
ситуацию**

В российской традиции устойчивое восприятие индивидуальных и коллективных апатий как порока и отклонения делает их предметом скорее морального и оценочного осмысления, нежели научного анализа. Сказывается также дефицит интонаций, которые бы позволяли ставить вопрос о социальной апатии с достаточной остротой, не превращая при этом экспертную позицию в политический манифест и не вступая в конфликт с установками правящей элиты. В связи с этим уместно вспомнить замечание Наталии Мещеряковой, обратившей внимание на «высокий уровень отчуждения [российского] общества от власти при сохранении иллюзии со стороны последней, что это не так»²².

²² Мещерякова 2015: 33.

Сам термин «апатия» в применении к коллективным процессам оказался весьма плодотворным с точки зрения его восприятия как экспертной аудиторией, так и публикой. Это подтвердили результаты исследования «Феномен социальной мобилизации как антипод социальной апатии», осуществленного Фондом «Петербургская политика» при участии Института социального маркетинга «Инсомар» во второй по-

ловине 2021 г. Его основу составили 20 экспертных интервью с психологами, социологами, политологами, философами. На базе этих интервью была сформулирована серия исследовательских гипотез, протестированных в ходе фокус-групп с жителями Владивостока (Приморский край), Тольятти (Самарская область) и сельских поселений Ленинградской области. Участники пяти из шести проведенных фокус-групп не только указывали на собственное угнетенное эмоциональное состояние, пониженный интерес к социально-политической сфере, отторжение от нее, но и с готовностью откликнулись на слово «апатия», а порой и приносили его по собственной инициативе.

Вместе с тем обнаружилось, что содержание термина «социальная апатия» не является консенсусным ни для экспертов, ни для респондентов. В зависимости от контекста и позиции использующего его речь могла идти:

- 1) об утрате интереса к социально-политической жизни;
- 2) о пониженной мотивации к любого рода деятельности активности;
- 3) о безразличном отношении к сегодняшнему дню как таковому, не вызывающему какого-либо эмоционального отклика;
- 4) об отождествлении социальной апатии с социальной депрессией (что небесспорно терминологически, ибо депрессия предполагает подчеркнутый негативизм, в то время как апатия — равнодушие).

Хотя отдельные эксперты и высказывали сомнения в применимости понятия «социальная апатия» к состоянию современного российского общества, большинство респондентов согласилось с его адекватностью наблюдаемым тенденциям. В подтверждение тезиса о социальной апатии в российском обществе приводились такие явления, как падение интереса граждан к использованию активного и пассивного избирательного права, низкая общественная самоорганизация для решения конкретных задач, сокращение медиапотребления, затронувшее прежде всего СМИ с внутривнутриполитической и социальной тематикой. При этом отмечалось, что ситуативные всплески интереса к внешнеполитическим и военно-стратегическим вопросам не приводят к сколько-нибудь существенным изменениям в поведении, поскольку граждане, как правило, остаются в позиции наблюдателей, не испытывая внутренней потребности совершать какие-либо поступки в этих сферах и не поощряясь властью к увеличению деятельности активности. Пребывание в режиме «энергосбережения» позволяет индивиду и (возможно) обществу выжить в условиях кризиса, собраться с силами, подготовиться к грядущим политическим и социально-экономическим вызовам. Подобная пассивность и «недеяние» могут страховать и от деструктивных шагов. Если в случае человека речь идет о суициде или попытке выместить негативные эмоции на окружающих, то в случае общества — о саморазрушительных действиях, обусловленных эмоциональной реакцией на происходящее и не подкрепленных какой-либо стратегией.

**Возможные
причины
социальной
апатии в России
XXI в.**

²³ Кривошеев 2004:
95.

По справедливому замечанию Владимира Кривошеева, в осмыслении причин апатии (аномии) в современной России присутствуют элементы теоретической растерянности, поскольку та наблюдается в условиях, во многом противоположных тем, что исследовал Эмиль Дюркгейм²³. Очевидно, что наряду с общими причинами апатии (общество потребления, рост индивидуализации) в стране существует и ряд специфических факторов, влияющих на динамику социальной активности.

В ходе экспертных интервью и фокус-групп было выявлено несколько точек зрения относительно истоков апатии в российском обществе, которые нельзя назвать полностью взаимоисключающими.

1. Апатия — результат целенаправленных действий власти.

«Граждане сами по себе не могут ничего изменить. Граждане влияют по необходимости, собираясь общественной организацией и прочее. Максимум, на что может повлиять отдельный гражданин, это на чистоту в своем подъезде» (Фокус-группа в Ленинградской области).

Сужение пространства публичной политики (в терминологии критиков — «запрет на политику») привело к тому, что попытки придать чему-либо политическое звучание стали восприниматься как нечто негативное. Как следствие, авторы публичных текстов всячески подчеркивают свое нежелание «политизировать» затрагиваемые ими вопросы, исходя из того, что тема политики табуирована. Призывы «не политизировать» все чаще звучат и в выступлениях официальных лиц, адресованных критикам — например, социальным активистам. Сами чиновники нередко не просто избегают политических оценок, но и транслируют тезис о том, что «политик в стране один». Показателен ответ губернатора Липецкой области Игоря Артамонова на просьбу газеты «Коммерсантъ» охарактеризовать свои политические взгляды: «У меня их нет»²⁴. Все это создает неопределенность относительно границы между «разрешенной» и «запрещенной» политической деятельностью. А введение различного рода ограничений на размещение в интернете материалов о чиновниках, «экстремистских организациях», религии, истории Второй мировой войны создает у пользователей ощущение недопустимости публикаций на любую политическую и даже социально-историческую тему. Общая деполитизация расширяет свободу маневра для власти, чьи действия все реже становятся предметом публичной общественной оценки. На это накладывается снижение ожиданий от политиков *per se*, что позволяет избежать формирования альтернативных полюсов политического притяжения. А поскольку апатия предполагает отсутствие каких-либо эмоций в отношении политики, в том числе негативных, она блокирует рост антирейтинга власти. Впрочем, избыточная, не санкционированная сверху активность лоялистов тоже не приветствуется.

²⁴ Прах 2020.

2. Апатия — выражение бессилия граждан в отношении поведения власти и/или результатов ее деятельности.

«Становится все больше тех, кто безысходность чувствует, свою невозможность что-то изменить» (Фокус-группа во Владивостоке).

Эта интерпретация предполагает спонтанность реакции граждан, обнаруживающих, что не хотят погружаться в осмысление работы и специфики социальных и политических институтов. Подобное настроение может присутствовать не только у изначально аполитичного населения, но и у тех, кто привык следить за новостями в ежедневном режиме. Ощущение пропасти между реальной (бытовой) повесткой рядовых граждан и миром лиц, принимающих решения, нередко проявляется в интернет-мемах — не случайно такой популярностью пользуется, в частности, цитата из фильма «Кин-дза-дза»: «Правительство, родной, на другой планете живет». Отторжение носит отчасти осознанный, отчасти эмоциональный характер, но в любом случае всякие мобилизационные попытки наталкиваются на нежелание людей участвовать в чем-либо политическом. Сложившуюся ситуацию иногда связывают со стремлением граждан избежать избыточного соприкосновения с государством. Поскольку политика воспринимается как сфера, во многом монополизированная или «приватизированная» государством, такого рода стремление проецируется и на нее. Тот факт, что официальная явка на выборах оказывается выше общественных ожиданий, чаще всего объясняют либо фальсификацией данных, либо готовностью граждан участвовать в различного рода «ритуалах» в обмен на отказ государства от вторжения в их приватную жизнь. По выражению одного из опрошенных экспертов, *«люди одинаково апатично голосуют и за „Единую Россию“, и за КПРФ»*. Необходимо учитывать и исторически сложившийся стереотип (характерный не только для российского общества), согласно которому политика — это «грязное дело», а также скептическое отношение в культуре к любому активизму, даже социальному, не говоря уже о политическом (достаточно вспомнить персонажей из советской киноклассики вроде «Бриллиантовой руки» или «Служебного романа»). Усилила эмоциональное отчуждение и пандемия COVID-19, в том числе по причине противоречивых, не всегда последовательных действий власти (*«На лавочку в парке нельзя, а кэшбэк за внутренний туризм — 20%»*). Как следствие, возрастает общественный настрой на «энергосбережение» — нежелание «тратить себя» на участие в непонятной политической жизни и наблюдение за ней.

Иногда можно встретить сравнение политической сферы с отношениями в семье, где слабые эмоциональные связи и высокая инерция маскируются ритуалами — *«сидением за столом, разговорами о погоде и выросших детях, обмене подарками: все держат лицо, никто не хочет говорить о настоящем, о заболевшем, о том, что важно»*. Большой отклик находят рассуждения о том, что государство ведет себя

с гражданами как взрослый с ребенком, тогда как общество по своим реакциям и потребностям больше напоминает подростка — неготового и часто неспособного брать на себя ответственность, склонного к инфантилизму, не обладающего достаточными компетенциями и навыками, но требующего равного формата разговора или хотя бы его элементов: *«Общество ощущает себя подростком, а с ним разговаривают как с ребенком — возьми конфету, сейчас накажу»*. При этом, по наблюдениям социологов, современные подростки, стремясь избежать конфликта с родителями, предпочитают уклоняться от обсуждения с ними потенциально «раскальвающих» тем. Даже примеры относительно успешной коммуникации власти с гражданами чаще предполагают сбор жалоб, а не инициатив. Это тормозит выработку у социума навыков самостоятельности и субъектности, но не блокирует полностью потребность ощущать себя субъектом.

3. Социальная апатия — результат тревоги по поводу завтрашнего дня и неуверенности в дне сегодняшнем.

«Такое ощущение, что мы подходим к какой-то пропасти. По крайней мере, сейчас просвета не видно. Пандемия, ситуация с Украиной, подключается Грузия. Япония, Китай уже недружески смотрят в нашу сторону. Непокойно» (Фокус-группа во Владивостоке).

Проявлением такой тревоги и неуверенности служат сложности с ответом на вопросы: «Как я буду справляться?», «Что я буду делать?», который нередко сводится к констатации: «Не знаю, какое решение и каким образом мне принимать». В более широком плане подобного рода настроения являются следствием оставшейся неудовлетворенной потребности в структуре, последовательности, понимании происходящего, стоящих перед людьми проблем и существующих функций. Имеет место феномен все более расслаивающегося «слоеного пирога», в котором разные пласты наезжают друг на друга, — ощущение хаоса, текучести происходящего, «неединства», отсутствия общей стратегии. «Социальное одиночество» оказывается продуктом не стремления к уединению, а вынужденной отчужденности. Иногда говорится об ангедонии, связанной с отсутствием каких-либо общих удовольствий. Доминирование ценностей бездействия, страх выделиться приводят к сокращению в обществе числа пассионарных личностей. Поэтому вместо потребности включиться в некие общие процессы возникает желание пересидеть, затаиться, переждать.

Это накладывает на заниженную оценку настоящего, образ которого лишен привлекательности. В условиях отсутствия наглядных общепризнанных поводов для гордости в политике, экономике, технологиях, спорте, демографии, освоении космоса активное педалирование реальных достижений в пропагандистских целях не позволяет полностью вытеснить ощущение дефицита успехов. Часть экспертов

сравнивает такую ситуацию с состоянием советского общества в конце 1970-х — первой половине 1980-х годов.

В ходе фокус-групп респонденты, говоря о достижении поставленных целей, часто использовали выражение: «когда придет время». Доминирует выжидательная, пассивная позиция, правда, наряду с ожиданием, что «рано или поздно» будет положительный исход. В суждениях респондентов отчетливо просматривается кризис долгосрочного планирования. Это можно связать в том числе и с тем, что имеющиеся ресурсы (финансовые, временные, эмоциональные) расходуются на преодоление вновь и вновь возникающих сложностей и подстраивание под меняющиеся условия.

Поскольку же люди, как отмечает Алексей Фирсов, не могут долго находиться в состоянии стресса, актуализируется такая особенность российского общества, как высокая адаптивность, умение приспосабливаться к резким изменениям, не вступая в прямой конфликт с их источниками. При этом ему свойствен и повышенный страх перемен. По данным голландского социолога Гирта Хофстеде, уровень избегания неопределенности в России оценивается в 95 баллов из 100 (чем выше показатель, тем ниже склонность к риску), в то время как в США он составляет 46 баллов, в Великобритании — 35, в Индии — 30, в Китае — 40. Боязнь неопределенности объясняется низкой субъектностью, превращением социума в пластичную среду²⁵.

²⁵ Фирсов 2021.

4. Апатия — продукт распада патернализма в условиях дефицита инструментов и навыков жизни без помощи государства на фоне слабости или отсутствия солидарности в обществе.

«Если я не в ресурсе, то все рушится вокруг, абсолютно все, ничего не получается, все валится из рук. Как только я нахожу в себе какую-то гармонию внутреннюю, непосредственно от меня это должно идти, тогда все получается, и такое ощущение, что это два совершенно разных человека. И как это происходит — не могу это контролировать» (Фокус-группа в Ленинградской области).

Хотя в силу разных причин государство оказалось неспособно отвечать прежнему патерналистскому запросу, оно старается сохранить репутацию «всемогущего» и препятствует выработке у граждан навыков самовывживания и самодостаточности. Отчуждение от собственности подрывает в людях веру в возможность повлиять на функционирование не только общественных институтов, но и близких им сфер типа жилищно-коммунального хозяйства или товариществ собственников жилья. Как следствие, внимание людей к поддержанию в должном виде своих квартир несоизмеримо с их вниманием к состоянию подъездов, лестниц, дворовых пространств, хозяевами которых они себя не ощущают. Одновременно сокращается число позиций, по которым граждане могут ощущать близость и тождество (например, через принадлежность к рабочему классу), а доминирующим трендом стала фраг-

ментация и индивидуализация. Социальная солидарность сменилась ситуативной мобилизацией, нередко базирующейся на травме (обманутые вкладчики, борцы против точечной застройки). В качестве примеров ситуативной мобилизации нередко приводят присоединение Крыма (для одних это символ восстановления имперской мощи, для других — возвращение во времена молодости), а также чемпионат мира по футболу 2018 г. Отдельные эксперты усматривают потенциал мобилизации и солидарности в проектах вроде «городов будущего» или освоения Арктики, однако эта точка зрения не является консенсусной. Дискуссионной остается и корректность обсуждения самой темы солидарности применительно к гражданам России, поскольку солидарность и индивидуализм — два начала, ведущие борьбу внутри человека и социума в целом.

5. Социальная апатия — следствие длительной неразрешенности внутренних конфликтов.

«Подавляющее настроение людей — это не грусть и не печаль, а скорее раздражение. Полное ощущение, что люди находятся в состоянии сплошной беспросветной усталости» (Фокус-группа в Тольятти).

Логика актуальной внутривнутриполитической повестки, как правило, не предполагает акцента на функции политики как механизма урегулирования существующих в обществе конфликтов и выработки взаимоприемлемых решений. Соответственно, сравнительно слаб интерес к политике как к пространству выявления и балансирования интересов различных групп. Сам термин «интересы» почти не звучит в публичном поле, а иногда подменяется понятиями «национальные интересы», «интересы безопасности», «геополитические интересы», которые никак не раскрываются и служат главным образом для обоснования принимаемых решений.

Действия власти в большей степени ориентированы на предъявление норм, которым предлагается следовать, но соблюдать которые в полной мере нередко бывает невозможно. Причем рефлексия относительно избирательной реализуемости принимаемых решений, будь то рядовыми гражданами или государственным аппаратом, выражена в публичном поле весьма слабо. Политический процесс все чаще позиционируется не как сфера поиска возможного и желаемого, а как область правильных и неправильных решений; это сужает пространство альтернатив, а сама наблюдаемая апатия не считается как проблема.

В индивидуальной психологии невозможность преодолеть возникающие конфликты и порожденные этим усталость и стресс обычно трактуются как одна из причин апатии. Напрашивается предположение, что подобные механизмы могут работать и применительно к обществу. Все это стимулирует установки, консервирующие бездействие и веру в непреодолимость существующих ограничений: *«Если у меня нет*

выбора, то зачем мне решать?», «Родились здесь — и умрем здесь. Что нам менять-то?»

С учетом доминирующего в обществе стремления уйти от конфликта с государством продвижение идей «бесконфликтной политики» и «бесконфликтного общества» приносит определенные плоды. Но результативность риторики, противопоставляющей имеющуюся политическую стабильность гипотетическому хаосу, варьирует в зависимости от аудитории. Будучи весьма действенной при апелляции к старшему поколению, она дает гораздо меньший эффект в случае людей среднего возраста и молодежи, которые на своем опыте почти не сталкивались с наглядными проявлениями социально-политической дестабилизации и потому воспринимают эту угрозу как умозрительную и маловероятную.

**Исторические
рамки
нынешнего цикла
социальной
апатии**

При том что тезис о социальной апатии в сегодняшней России разделяется большинством исследователей, единого мнения о времени ее возникновения пока не выработано. Можно выделить три наиболее часто упоминаемых рубежа, запустившие нынешний цикл апатии.

Первый из них приходится на начало — середину 90-х годов XX в. Индикатором намечившегося поворота к апатии могут служить заметное снижение потребления политического контента и стремительное падение тиражей периодики (в сравнении с периодом перестройки), что во многом объяснялось сложной экономической ситуацией, заставлявшей людей концентрироваться на «выживании». Социальные и политические новости вызывали по большей части негативные эмоции (инфляция, падение курса национальной валюты, политические конфликты, рост преступности), порождая стремление к изоляции, замыканию. Окружающий мир все чаще ощущался как источник угроз — отсюда широкое распространение железных дверей в квартирах, кодовых замков в подъездах жилых домов. С середины 1990-х годов стала расти ностальгия по Советскому Союзу и социалистическим временам, которые противопоставлялись «неуютному» настоящему. Многие носители демократических установок и идеалов оказались разочарованы результатами политических изменений, в число бенефициаров которых попали совсем другие. Возникла отчетливая тенденция к восприятию политического активизма как наследия идеологизированного советского прошлого. Центром социальной жизни постепенно становилась семья (и отчасти оставались трудовые коллективы). Чувство причастности к большим социальным процессам размывалось.

Вместе с тем растущее отторжение социально-политической сферы не влекло за собой роста пассивности и бездействия *per se*. Жители России сталкивались с необходимостью адаптации к стремительно меняющейся экономической реальности, смены профессии, поиска путей сохранения сбережений, развертывания предпринимательской активности. Если вторая половина 1980-х годов в основном была временем политической вовлеченности и экономической апатии, то в 1990-е си-

туация изменилась на противоположную. Тезис о социальной апатии как о следствии «травмы» от распада СССР распространен в публицистике, но не бесспорен. В первой половине 1990-х годов судьбы бывших республик СССР находились на периферии общественного внимания, будучи отгеснены экономическими проблемами.

В пользу данной периодизации говорит в числе прочего тот факт, что уже в начале «нулевых» годов появились первые работы о специфике апатии (аномии) в современной России. Так, еще в 2004 г. Владимир Кривошеев отмечал, что «аномия российского социума реально проявляется в процессе перехода общества от некоего целостного состояния к фрагментарному, атомизированному»²⁶. Точка зрения, что «аномия в России возникает по причине быстрой смены экономических отношений на капиталистические при отсутствии новых моральных обоснований этой деятельности»²⁷, прозвучала и в статье Валентины Федотовой, опубликованной в 2005 г.

²⁶ Кривошеев 2004: 95.

²⁷ Федотова 2005: 12.

Вторая возможная точка запуска в России социальной апатии — конец «медведевской оттепели».

Сама по себе эта «оттепель» не сопровождалась бурным выплеском социальной энергии, соизмеримым с имевшим место во времена хрущевской оттепели или перестройки. Не было ни серьезной мобилизации реформаторских сил, ни мощной волны выступлений против угадывавшихся намерений власти подвергнуть ревизии политический курс начала «нулевых» годов. В целом 2008—2011 гг. были периодом относительно успешной эксплуатации сформировавшегося у части общества запроса на перемены, на ограничение полномочий государства во взаимоотношениях с социумом, на расширение поля публичной политики. Соответственно, неудача «оттепели» и провал последующих протестных выступлений стали травмирующим фактором, способствовавшим угасанию ожиданий относительно результативности собственной социально-политической активности, росту эмиграционных настроений и «уходу» в альтернативные политике увлечения, хобби. Это сказалось на настроениях не только критически настроенных слоев (сосредоточенных преимущественно в крупных городах), но и лоялистов, колеблющихся, аполитичных.

Одним из аргументов в пользу пребывания общества в апатии может служить тот факт, что даже в период воодушевления и расширения лагеря лоялистов после присоединения Крыма не наблюдалось какой-либо мощной самоорганизации и проявлений активности в поддержку действующей власти; массовые мероприятия проходили по инициативе сверху и носили регулируемый административно характер. Если в 1990-х годах апатия прочитывалась прежде всего как отторжение социально-политической сферы, то в 2010-е годы — скорее как падение интереса к деятельности активности как таковой. Снизились ожидания изменений и в рядах политического класса, что побудило его представителей сократить политическую активность и начать маскировать наличие карьерных и иных амбиций.

Состояние социальной апатии также фиксировалось в тот период рядом исследователей. Так, констатируя, что «мнение о негативном характере изменений преобладает над мнением о стабилизации экономических процессов», Александра Полякова отмечала: «Это не что иное, как социальная апатия»²⁸. В пользу значимости событий конца «нулевых» — начала 2010-х годов для распространения социальной апатии говорит и заключение Романа Быкова и его коллег: «наиболее апатичной, безразличной ко всему за пределами частной жизни выступает потенциально наиболее активная часть населения, носители модернистского сознания»²⁹.

²⁸ Цит. по: Фаляхов 2017.

²⁹ Быков, Быкова и Власова 2020: 59.

Третий упоминаемый экспертами рубеж — пенсионная реформа 2018 г., символизировавшая завершение в глазах по крайней мере части населения «романтического» периода политики, наметившегося после присоединения Крыма. Вот как описывает сложившуюся тогда ситуацию Дмитрий Милин: «Раз в два месяца власти объявляют о новых направлениях развития, но это никого больше не трогает и ни к чему не приводит. У нас не случилось объявленной Путиным „новой индустриализации“, не создано „25 млн новых высокопроизводительных рабочих мест“. В Сколково не прошло ни одного публичного предложения (IPO) технологических компаний, не создан „международный финансовый центр“. <...> Именно эта апатия общества и власти, тужащейся выдать себя хоть что-то, что может мотивировать граждан, прихлопывает нас сегодня с головой. Все разговоры о „прорыве“ и о том, что „времени на раскачку нет“, упираются в этот тупик»³⁰.

³⁰ Милин 2019.

Эмоциональному угнетению и углублению отчужденности способствовали начавшаяся в 2020 г. пандемия COVID-19, режим самоизоляции, ослабление социальных связей после частичного перехода на дистанционную работу. Фиксируя повышение в последние два года уровня неопределенности, Катерина Мурашова констатирует. «Стало понятно, что любая кажущаяся стабильность может быть нарушена в любой отдельно взятый момент и человек, семья (даже в развитых и богатых странах) мгновенно оказывается пешкой в игре не совсем понятно каких сил, и жизнь отдельного человека мгновенно и радикально меняется не его собственными усилиями, как нас убеждали последние сто с лишним лет, а по непонятной и часто очевидно иррациональной внешней причине. При этом ни у кого, от рядовых граждан до экспертов и правителей, нет никакого четкого понимания градиента и вектора (и даже причин и истоков) происходящего, есть только мнения и гипотезы, которые очевидно для всех противоречат друг другу. Непонятна завтрашняя судьба моя, моей семьи, города, страны, человечества, планеты. Какой смысл в таких условиях излишне „рыпаться“ прямо сейчас, ведь ресурсы могут пригодиться в любой момент, для выживания при каком-то очередном витке внезапных изменений? Личность вступает в режим „энергосбережения“. Наступает „ковид-апатия“»³¹.

³¹ Мурашова 2021.

Дополнительным ударом по протестно настроенной части общества стал репрессивный тренд 2021 г., консервирующий разочарование

в собственных силах и потенциале политических лидеров и укрепляющий состояние выученной беспомощности и неверие в целесообразность и результативность политической активности.

**Потенциальные
направления
выхода
из социальной
апатии**

Сложность прогнозирования механизмов и последствий выхода (или вывода) общества из социальной апатии заключается в большом разбросе состояний, которыми может смениться апатия. Отнюдь не все из них можно назвать комфортными для пациента, его окружения и даже общества в целом.

Логическим продолжением апатии является депрессия. Это означает замену нейтрально-равнодушной оценки происходящего негативной с блокированием возможности самостоятельного преодоления апатии. Не исключен также переход от бездействия к спонтанным очаговым выбросам негативизма.

Другой сценарий — смена социальной апатии агрессией — тоже чреват немалыми проблемами. В этом случае происходит выплеск не всех нарастаченных за время апатии эмоций, а концентрированного гнева, возможно, с элементами стихийной низовой самоорганизации. При моделировании форм «социального гнева» весьма популярна апелляция к революционному движению в России конца XIX — начала XX в., когда радикальные и террористические организации, где первоначально доминировали выходцы из интеллигенции и студенчества, стали пополняться представителями рабочего класса, такими как Степан Халтурин.

Еще один вариант «транзита» из апатии — состояние паники. Оно редко фиксируется в индивидуальной психологии, однако в случае коллективных состояний периодические всплески «деятельностного страха» встречаются не так редко. Серию таких всплесков мы видели в 2021 г. в России — во время попыток введения обязательной вакцинации от COVID-19 и (в меньшей степени) внедрения QR-кодов. В числе наблюдавшихся элементов паники можно выделить нарастание тревожности по относительно второстепенным поводам, которые, однако, актуализировали многообразные страхи и дефицит доверия к институтам. Вместе с тем вероятность подобного перерождения апатии пока сравнительно невелика, и сами коллективные «панические атаки» продолжались максимум несколько недель и не переросли в доминирующий тренд.

Наиболее «оптимистическим» сценарием является смена апатии надеждой и даже эйфорией. Такое развитие предполагает появление на горизонте нового ценностно и эмоционально привлекательного ориентира, формирование мощных позитивных ожиданий, готовность к совместным действиям, нацеленным на воплощение их в жизнь и поддержку наиболее активных «проводников» на этом пути. Но направленность этой надежды вариативна. Речь может идти как о сверхожиданиях от власти и объединении вокруг нее (как это отчасти было

в 2014 г.), так и, наоборот, о стремлении добиться политических перемен. Было бы преждевременно утверждать, что события начала 2022 г. окончательно определили, какой вариант будет реализован.

Следует напомнить, что погружение в апатию часто бывает медленным, а пребывание в таком состоянии нередко длится годами. Это, однако, не гарантирует столь же длительного преодоления апатии — оно может произойти стремительно и даже внезапно, под влиянием эмоционального напряжения, изменения самооценки, возвращения способности ставить перед собой достижимые цели, появления в обществе ощущения нового тренда, к которому следует срочно присоединиться. Не случайно часть социологов скептически относится к опросам общественного мнения относительно возможности участия в протестах, поскольку дающий ответ подчас сам не подозревает, что под воздействием эмоциональной волны он может завтра обнаружить себя на площади в рядах недовольных. Известные российскому обществу случаи выхода из социальной апатии (например, события в Белоруссии после президентских выборов 2020 г.) не выглядят привлекательными. Но само по себе это не создает иммунитета против внезапного освобождения от апатии — полного или частичного.

**Возможные
практические
шаги
по преодолению
апатии**

Итогом экспертного обсуждения социальной апатии теоретически должна была бы стать выработка мер по ее преодолению. При всей кажущейся уместности подобная постановка вопроса весьма наивна, поскольку для достижения такого результата требуется целый ряд условий, включая политическую волю и готовность самого общества к аккумуляции нового потока энергии, а также способность заинтересованных в преодолении социальной апатии устранить порождающие ее факторы. А последнее не всегда возможно, особенно с учетом того, что в число слагаемых апатии входит и множество внешних факторов — от глобальных трендов мировой публичной политики до снижения очных коммуникаций людей вследствие цифровизации.

Менее амбициозной, но более реалистичной задачей является адаптация политических элит к возможным сценариям развития событий, как управляемых, так и происходящих помимо субъективной воли. В связи с этим уместно проанализировать пути минимизации социально-экономических и политических рисков как при консервации апатии, так и в случае ее перерастания в другие состояния, будь то депрессия, агрессия, паника или эйфория.

Остановимся на наиболее значимых рекомендациях, выдвинутых в ходе экспертного опроса.

В опросах общественного мнения следовало бы усилить внимание к эмоциональной составляющей настроений граждан, отказавшись от наблюдаемой сегодня абсолютизации ответов на вопросы о готовности или неготовности к участию в массовых акциях. В противном случае велик риск недооценки потенциала спонтанного протеста, порожденного

общим эмоциональным фоном или внезапно актуализированным желанием присоединиться к тренду. Говоря о своем отношении к возможным акциям протеста, респонденты исходят из реалий сегодняшнего дня, даже не подозревая, что способны стремительно изменить линию поведения в случае вспышки социальной активности.

В текущей повестке целесообразно сконцентрироваться на политическом как пространстве цивилизованного и эффективного урегулирования возникающих конфликтов. Именно эта функция придает смысл и ценность политике *per se*, а ее выхолащивание консервирует представления о ненужности, контрпродуктивности соответствующих институтов и несложности социально-политического администрирования. Хотя диалоговые практики полностью не устранены из управленческой сферы, тезис о недопустимости уступок недовольным весьма популярен среди истеблишмента. Между тем опыт последних лет показывает, что именно уступки способствуют снижению накала напряженности, а нередко и нивелируют эмоциональный фон протеста, смягчая остроту противостояния и демотивируя его участников.

С этим связана и актуализирующаяся проблема отчужденности и очевидного дефицита эмоциональной сопричастности граждан к тем или иным действиям власти. Снизить это отчуждение может вовлечение граждан в поиск и выработку решений, тогда как доминирующий сегодня формат взаимодействия чиновников с населением через сбор жалоб и «сигналов» и коммуникацию посредством социальных сетей скорее усиливает патерналистские запросы, завышенные представления о возможностях государства, стереотипы о власти как о пространстве безнаказанности, а не ответственности.

Весьма полезной видится и интеграция в сферу публичной политики современных корпоративных психологических практик. Вопросы, связанные с атмосферой в трудовом коллективе, «эмоциональным выгоранием» и т.п., давно стали предметом рефлексии в бизнесе, что привело к выработке целого ряда мер, направленных на стимулирование вовлеченности и повышение мотивации. Ключевое значение здесь имеет стиль коммуникаций. То, каким образом он влияет на формирование добровольной ответственности (и ее преимущества перед ответственностью навязанной), наглядно показано в книге Джона Уитмора «Кочинг высокой эффективности»: «Представьте разговор группы строительных рабочих: „Фред, походи принеси лестницу. Она в сарае“. Что делает Фред, не найдя там лестницы? Он возвращается и говорит: „Там нет лестницы“. А если я попрошу по-другому: „Нам нужна лестница. Она в сарае. Кто принесет?“ Фред отвечает: „Я“, но обнаруживает, что в сарае нет лестницы. Что он будет делать в этом случае? Искать в другом месте. Почему? Потому что чувствует себя ответственным. Он хочет добиться успеха. Он найдет лестницу для самого себя, ради собственно-го самоуважения»³².

³² Уитмор 2005: 41–42.

В ходе экспертного опроса психологи обращали внимание на дефицит арбитров в политической коммуникации, хотя в семейной те-

рапии это общепринятая практика. («Арбитр побуждает говорить вместо „Ты дура“ фразу: „Когда ты это делаешь, у меня возникает такое-то чувство“».) Учитывая рост популярности психологической литературы, имеет смысл задуматься об использовании представленных в интернете публикаций об отношениях мужчин и женщин, родителей и детей и т.д. для выработки оптимального алгоритма взаимодействий между гражданином и властью, позволяющего предотвратить накопление взаимного разочарования и отчужденности.

Бросается в глаза и недостаточное использование в современной политической коммуникации приемов рекламы и маркетинга. Опыт этих отраслей задействуется в основном для локальной мобилизации (лотереи для участников выборов и т.п.). При этом эффективность подобных шагов подчас переоценивается — между тем, как следует из высказываний респондентов, хотя люди и пользуются картами торговых сетей, те не имеют для них эмоциональной ценности. А ключевое правило маркетинга — заставить захотеть, создать эмоциональный стимул — либо применяется ситуативно, либо не применяется вовсе.

Отдельной проблемой является усиление государственного (в том числе репрессивного) вмешательства в сферы, напрямую не связанные с политикой, но служащие прибежищем для разочаровавшихся в политической деятельности и обеспечивающие своего рода компенсацию эмоциональной пустоты, дефицита целеполагания и результативности, создающие ощущение полноценной насыщенной жизни. Такими сферами могут быть наука, культура, образование, религия, интернет, спорт, сексуальная жизнь и т.п. В последние три-пять лет эти сферы, долгое время существовавшие параллельно с политикой, все чаще попадают в орбиту внимания государства, стремящегося выстроить идеологические и иные рамки и пресечь проявления «подозрительной» активности. Растущая ограниченность каналов для «внутренней эмиграции» создает риски всплеск «реполитизации» граждан, как полагающих, что уходят из политики навсегда, так и вовсе не испытывавших ранее потребности следить за внутренней политикой и формулировать свою позицию по поводу принимаемых государством решений.

Библиография

- Бауман З. (2005) *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.
- Быков Р.А., Е.Ю.Быкова и Ю.А.Власова. (2020) *Социальная апатия учителей как форма адаптации к современным социокультурным условиям*. Томск: Красное знамя.
- Кривошеев В.В. (2004) «Особенности аномии в современном российском обществе» // *Социологические исследования*, № 3: 93—97.
- Лернер Ю. (2022) «Новая чувств: эмоционализация культуры» // Аронсон П., ред. *Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности*. М.: Individuum: 11—21.
- Лиотар Ж.-Ф. (1998) *Состояние постмодерна*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.

- Маркс К. (1981) *Экономическо-философские рукописи 1844 года*. М.: Прогресс.
- Маркузе Г. (2003) *Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества*. М.: АСТ.
- Мещерякова Н.Н. (2015) *Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход*. Автореферат дисс. ... д. соц. наук. М.: МГИМО (У) МИД России. URL: https://mgimo.ru/upload/docs_6/2autoref-Meshcheriakova-fin.pdf (проверено 15.04.2022).
- Милин Д. (2019) «Апатия как государственный недуг России» // *Публицист.ру*, 1.08. URL: <https://publizist.ru/blogs/112992/32243/-?ysclid=11zzq2zkli> (проверено 15.04.2022).
- Мурашова К. (2021) «Массовая ковид-апатия» // *Сноб*, 19.07. URL: <https://snob.ru/entry/208828/> (проверено 15.04.2022).
- Новосельцева А. (2021) «„Я в ресурсе“: почему мир заговорил языком поп-психологии, спасет ли нас новая этика и куда исчезла любовь» // *Росбалт**, 19.11. URL: <https://www.rosbalt.ru/piter/2021/11/19/1931767.html> (проверено 15.04.2022).
- Ортега-и-Гассет Х. (2000) *Избранные труды*. М.: Весь Мир.
- Прах А. (2020) «„У нас ситуация в 20 раз лучше, чем в Германии“» // *Коммерсантъ*, 9.06. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4373162> (проверено 15.04.2022).
- Токвиль А. де. (2000) *Демократия в Америке*. М.: Весь Мир.
- Уитмор Дж. (2005). *Коучинг высокой эффективности*. М.: Международная академия корпоративного управления и бизнеса.
- Фаляхов Р. (2017) «Россияне живут одним днем. Итог-2016: экономический кризис перешел в социальную апатию» // *Газета.ру*, 4.02. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/01/30/10500995.shtml> (проверено 15.04.2022).
- Федотова В.Г. (2005) «Апатия на Западе и в России» // *Вопросы философии*, № 3: 3–19.
- Фирсов А. (2021) «Коллективная апатия: почему россиян больше не пугает пандемия» // *Ведомости*, 25.11. URL: <https://www.vedomosti.ru/gorod/smartcity/columns/kollektivnaya-apatiya-pochemu-rossiyan-bolshe-ne-pugaet-pandemiya> (проверено 15.04.2022).
- Фромм Э. (1990) *Бегство от свободы*. М.: Прогресс.
- Фуко М. (2015) *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Хантингтон С. (2004) *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-традиция.
- Харлашкин К.И. (2011) *Концепция политической аномии*. URL: <https://www.hse.ru/data/2011/10/30/1269687595/002%20Харлашкин.%20Концепция%20политической%20аномии.pdf> (проверено 26.03.2022).
- Хокинс Д. (2010) *Сила vs Насилие: Скрытые мотивы человеческих поступков*. СПб.: Весь.

Штомпка П. (2001) «Культурная травма в посткоммунистическом обществе» // *Социологические исследования*, № 3: 3—12.

Baudrillard J. (1981) *Simulacra and Simulation*. Paris: Galilée.

Bourdieu P. (2001) *Contre-feux 2: Pour un mouvement social européen*. Paris: Raisons d'Agir.

DeLuca T. (1995) *The Two Faces of Political Apathy*. Philadelphia: Temple University Press.

Lane R.E. (2000) *The Loss of Happiness in Market Democracies*. New Haven: Yale University Press.

McLuhan M. (1964) *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: New American Library.

Mills C.W. (2000) *Letters and Autobiographical Writings*. Berkeley: University of California Press.

* Издание включено в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

M.Yu. Vinogradov, A.A. Suslova

THE PHENOMENON OF SOCIAL APATHY AND ITS RELEVANCE IN MODERN RUSSIA

Mikhail Yu. Vinogradov — President of the Petersburg Politics Foundation.
Email: m7251956@gmail.com.

Anastasia A. Suslova — Head of the Educational and Scientific Laboratory of Internet Projects and Research, Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation. Email: asiasuslova@gmail.com.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of social apathy in the modern Russian realities. Despite the prevalence of the term “social apathy” in the assessment of the current state of the Russian society, there is still no consensus as to whether apathy boils down to rejection of the socio-political sphere or implies broader interpretations — the dominance in the society of an orientation towards minimizing activities, or even loss of faith in the value of the present day (except family and immediate relatives and friends).

The key problems in using the concept of social apathy are the lack of a proven scientific methodology for applying the concepts of individual psychology to the collective, mass states, as well as the historically unambiguously negative attitude towards apathy as a vice, deviation, laziness, which makes it difficult to fully comprehend this phenomenon.

The article outlines key approaches to explaining social apathy in the modern Russia, revealed in the course of the research project “The Phenomenon of Social Mobilization as the Antipode of Social Apathy”, carried out by the Petersburg Politics Foundation jointly with the “Insomar”, the Institute for Social Marketing, in the second half of 2021. Possible reasons for social apathy include purposeful actions of the authorities, spontaneous reaction of citizens to the activities of politicians, anxiety about the future against the backdrop of the weak attractiveness of the present, the collapse of paternalism in the face of a shortage of tools and skills for living without the help of the state, and the unresolved internal conflicts. The authors reconstruct the main interpretations of the triggers of the current cycle of apathy, such as the economic changes of the 1990s, the failure of the “Medvedev thaw” and the pension reform of 2018, the consequences of which were exacerbated by the COVID-19 pandemic.

Based on the results of an expert survey and focus groups, the authors delineate hypothetical scenarios for overcoming social apathy and possible directions for the development of the public sentiments, and formulate a number of recommendations for managing political risks, taking into account possible social dynamics.

Keywords: social apathy, political anomie, non-participation, passivity, learned helplessness, emotional burnout

References

- Baudrillard J. (1981) *Simulacra and Simulation*. Paris: Galilée.
- Bauman Z. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2001) *Contre-feux 2: Pour un mouvement social européen*. Paris: Raisons d'Agir.
- Bykov R.A., E.Yu.Bykova, and Yu.A.Vlasova. (2020) *Sotsial'naja apatija uchitelej kak forma adaptatsii k sovremennym sotsiokul'turnym uslovijam* [Social Apathy of Teachers as a Form of Adaptation to Modern Socio-Cultural Conditions]. Tomsk: Krasnoe znamja. (In Russ.)
- DeLuca T. (1995) *The Two Faces of Political Apathy*. Philadelphia: Temple University Press.
- Faliakhov R. (2017) “Rossijane zhivut odnim dnem. Itog-2016: ekonomicheskij krizis pereshel v sotsial'nuju apatiju” [Russians Live One Day. Outcome-2016: the Economic Crisis Turned into Social Apathy] // *Gazeta.ru*, 4.02. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/01/30/10500995.shtml> (accessed on 15.04.2022). (In Russ.)

Fedotova V.G. (2005) “Apatija na Zapade i v Rossii” [Apathy in the West and in Russia] // *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], no. 3: 3—19. (In Russ.)

Firsov A. (2021) “Kollektivnaja apatija: pochemu rossijan bol’she ne pugaet pandemija” [Collective Apathy: Why Russians Are No Longer Afraid of the Pandemic] // *Vedomosti*, 25.11. URL: <https://www.vedomosti.ru/gorod/smartcity/columns/kollektivnaya-apatija-pochemu-rossiyan-bolshe-ne-pugaet-pandemiya> (accessed on 15.04.2022). (In Russ.)

Foucault M. (2015) *Nadzirat’ i nakazyvat’: Rozhdenie tjur’m* [Surveiller et punir. Naissance de la prison]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Fromm E. (1990) *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Moscow: Progress. (In Russ.)

Hawkins D. (2010) *Sila vs Nasilie: Skrytye motivy chelovecheskikh postupkov* [Force vs Violence: The Hidden Motives of Human Actions]. St Petersburg: Ves?. (In Russ.)

Huntington S. (2004) *Politicheskij porjadok v menjajushchiksja obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies]. Moscow: Progress traditsija. (In Russ.)

Kharlashkin K.I. (2011) *Kontseptsija politicheskoy anomii* [The Concept of Political Anomie]. URL: <https://www.hse.ru/data/2011/10/30/1269687595/002%20Харлашкин.%20Концепция%20политической%20аномии.pdf> (accessed on 26.03.2022). (In Russ.)

Krivoshchev V.V. (2004) “Osobennosti anomii v sovremennom rossijskom obshchestve” [Features of Anomie in Modern Russian Society] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 3: 93—97. (In Russ.)

Lane R.E. (2000) *The Loss of Happiness in Market Democracies*. New Haven: Yale University Press.

Lerner Ju. (2022) “Novojaz chuvstv: emotsionalizatsija kul’tuty” [New-speak of Feelings: the Emotionalization of Culture] // Aronson P., ed. *Slozhnye chuvstva. Razgovornik novej real’nosti: ot ab’juza do toksichnosti* [Complicated Feelings. Phrasebook of a New Reality: From Abuse to Toxicity]. Moscow: Individuum: 11—21. (In Russ.)

Lyotard J.-F. (1998) *Sostojanie postmoderna* [La condition postmoderne]. Moscow: Institut eksperimental’noj sotsiologii; St Petersburg: Aletheia. (In Russ.)

Marcuse H. (2003) *Odnomernyj chelovek: Issledovanie ideologii razvitoj industrial’nogo obshchestva* [One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society]. Moscow: AST. (In Russ.)

Marx K. (1981) *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda [Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844]*. Moscow: Progress. (In Russ.)

McLuhan M. (1964) *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: New American Library.

Meshcheryakova N.N. (2015) *Osobennosti anomii v sovremennom rossijskom obshchestve: sinergeticheskij podkhod* [Features of Anomie in

Modern Russian Society: a Synergistic Approach]. Abstract of the doctoral diss. Moscow: MGIMO University. URL: https://mgimo.ru/upload/docs_6/2autoref-Meshcheriakova-fin.pdf (accessed on 15.04.2022). (In Russ.)

Milin D. (2019) “Apatija kak gosudarstvennyj nedug Rossii” [Apathy as a State Disease in Russia] // *Publizist.ru*, 1.08. URL: <https://publizist.ru/blogs/112992/32243/-?ysclid=11zzq2zkli> (accessed on 15.04.2022). (In Russ.)

Mills C.W. (2000) *Letters and Autobiographical Writings*. Berkeley: University of California Press.

Murashova K. (2021) “Massovaja kovid-apatija” [Mass Covid Apathy] // *Snob*, 19.07. URL: <https://snob.ru/entry/208828/> (accessed on 15.04.2022). (In Russ.)

Novoseltseva A. (2021) “„Ja v resurse“: pochemu mir zagovoril jazykom pop-psikhologii, spaset li nas novaja etika i kuda ischezla ljubov” [“I’m in the Resource”: Why the World Spoke the Language of Pop Psychology, Will the New Ethics Save Us and Where Has Love Disappeared] // *Rosbalt*, 19.11. URL: <https://www.rosbalt.ru/piter/2021/11/19/1931767.html> (accessed on 15.04.2022). (In Russ.)

Ortega y Gasset H. (2000) *Izbrannye trudy* [Selected Writings]. Moscow, Ves’ Mir. (In Russ.)

Prakh A. (2020) “„U nas situatsija v 20 raz luchshe, chem v Germanii“” [“Our Situation Is 20 Times Better than in Germany”] // *Kommersant*, 9.06. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4373162> (accessed on 15.04.2022). (In Russ.)

Sztompka P. (2001) “Kul’turnaja travma v postkommunisticheskom obshchestve” [Cultural Trauma in a Post-Communist Society] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 3: 3–12. (In Russ.)

Tocqueville A. de. (2000) *Demokratija v Amerike* [De la démocratie en Amérique]. Moscow: Ves’ Mir. (In Russ.)

Whitmore J. (2005) *Kouching vysokoj effektivnosti* [Coaching for Performance: GROWing People, Performance and Purpose]. Moscow, Mezhdunarodnaja akademija korporativnogo upravljenija i biznesa. (In Russ.)